

Храбрая собачка Додди.

Звонит мне как-то старинный приятель, который неожиданно для всех сделался олигархом, и спрашивает: «Как дела, старик? Давно не виделись.» Я чуть трубку не выронил от удивления, лет десять как не виделись. Так, изредка перезванивались по нужде. «Нормально дела. Здорово. А у тебя как? По какому случаю на грешную землю спустился?» Он смеётся в трубку, от души смеётся, как всегда умел. «Хочу, - говорит, - тебя на охоту позвать, бродягу таёжного, заодно и повидаемся, пообщаемся, повспоминаем былое», и опять смеётся. «Да ты не только олигархом, но и охотником стал», - говорю. «Ну да», - отвечает, - «Как ружьё итальянское, коллекционное купил, так и стал. И тебе, - говорит, - дам стрельнуть из него разок.» «Когда едем?» - спрашиваю. «Завтра, - отвечает, - Трансферт у твоего подъезда в четыре тридцать утра будет, нам ещё перелётик предстоит.» И положил трубку. «Вот - те на, - думаю, - Объявился как с неба свалился. Перелётик нам предстоит. Как телефон-то вспомнил?» А сам рюкзак с балкона приволок, ружьё из сейфа достал и давай всё перетряхивать - дело привычное. Через час был собран и призадумался. Какая охота-то?! Январь сейчас. Может разыграл, чёрт везучий, позабавился, а я и засуетился, засобирился? Думаю так, а будильник на четыре ноль-ноль завожу.

Проснулся как обычно, за пять минут до звонка, выключил будило - и умываться. Умылся, поставил чайник - и к окну. Гляжу, джип здоровенный стоит - кажись, не пошутил везунчик наш. У подъезда меня поджидали два добрых молодца атлетического сложения. Вежливо поздоровались со мной, попросили рюкзак и ружья, но я отказал. «Своя ноша не тянет, - говорю, - Спасибо.» Открыли багажник, в который поместились бы ещё пять рюкзаков как мой, и поехали во Внучку. Оказалось, что во Внуково два аэропорта: один для всех, а другой для некоторых, и мы, естественно, подъехали к другому. Мои сопровождающие молодцы, взяв у меня паспорт, ружьё и рюкзак, ушли вовнутрь, а я остался у джипа покурить. Только избавился от окурка, показался один из парней и пригласил пройти с ним в аэропорт, больше напоминающий внутри очень приличный

ресторан с барными стойками и сервированными столами. Мне предложили присесть за любой из них и заказать себе ланч или всё, что захочу, сообщив при этом, что Дмитрий Михайлович ещё в дороге, но очень скоро будет. Я всё же поинтересовался куда летим, и мне ответили: «На Урал.» Через десять минут в дверях появился мой приятель с улыбкой на лице и в очень дорогой амуниции, глядя на которую можно было не сомневаться- охота будет удачной. К нему сразу же подтянулись мои сопровождающие и ещё пара человек с какими-то папками для докладов. Он их выслушал и направился к моему столику. «Доброе утро, дружище! Летим!» «Доброе утро! Летим, наверное», - ответил я, принимая крепкое рукопожатие, и мы отправились в зону вылета. Самолёт оказался личным. Белые кожаные кресла, диваны, телевизоры, столики, бар, отдельная спальня, красивые стюардессы... Про душевые, туалеты и говорить не стоит. После того, как командир получил добро от моего приятеля на взлёт, мы и полетели. Стюардессы, принарядившись в фартучки, накрыли столики фруктами, орешками, деликатесами всякими и поинтересовались, что мы будем кушать. «Кушать мы будем виски», - с улыбкой произнёс мой приятель, и девушки удалились, а я заметил на руках его какую-то диковинную собачку в шубке и в изящном ошейнике с золотым поводком. Перехватив мой взгляд, приятель опять улыбнулся и говорит: «Познакомься, это Додди, английский той-терьер.» «Привет, Додди», - говорю, - Мне бы ещё вспомнить, как твоего хозяина зовут». Приятель снова улыбнулся: «Дмитрием Михайловичем зовут её хозяина, но для тебя он по-прежнему Димка.» «Мой Димка китайские кеды со мной по очереди носил и под рюкзаком по тайге в болотниках шлёпал, а тут - личные самолёты, может, и не мой вовсе», - говорю. «Твой, твой, только седой и с бородой», - отвечает, и опять смеётся задорно, как в юности. «Значит, летим мы на Урал, - начал он после того, как мы чокнулись за встречу и отхлебнули из хрустальных стаканов виски со льдом,- Охота на берлоге будет, топтыгу поднимать летим, Додди нужны новые эмоции, и мне тоже». «Охота на берлоге предполагает рогатину и нож, такая охота именовалась раньше царской», - отвечаю я. «Вот ты меня и посветишь в детали», - говорит Димка. «Была такая забава в былые времена: охотники-промышленники находили берлогу и охраняли её для богатых любителей пощекотать себе нервы.

Вызывались на такую охоту богатые и отчаянные смельчаки и шли на косолапого хозяина тайги один на один с рогатиной и ножом, и платили за килограмм веса поднятого зверя по двадцать пять рублей, и, может потому, какие это были баснословные деньги, охоту на берлоге и прозвали царской». «И сейчас то же самое, - промолвил приятель, - Егеря с помощью охотников- промысловиков находят берлогу и стерегут её для тех, кому не хватает куража и острых ощущений. Правда, вместо рогатины - ружьё, и у мишки вариантов нет». «Я на медведя не ходил, но слышал - это мудрый и сильный зверь, у него всегда есть варианты, - отвечаю я, - Он опасность чувствует, не видя её, и действует решительно и сообразно обстановке. А что, собачонку-то тоже на медведя везёшь? Разрыв сердца ведь получит». «Не получит, - отвечает приятель, с улыбкой поглаживая Додди, - Она у меня храбрая - и на тигра бенгальского ходила, и на льва африканского, и на слона, и на носорога, и на бизона. Вот сейчас Михайло Потапыча возьмём бурого и за его белым братом на Северный полюс полетим». Так, под вискарёк односолодовый и пролетели два часа. Приземлились и, не заходя в здание аэропорта, перешли в поджидавшую нас вертушку МИ-8. Добры молодцы, где-то переодевшись, несли свои и наши с приятелем рюкзаки и ружья в кофрах. В вертолёт уже сидели три человека в камуфляже - явно охотники. Поздоровались, познакомились, погрузились и полетели. Места под нами были мне знакомы - предгорье приполярного Урала. Лесотундра с богатыми рыбой реками.

Часа через два вертушка и зависла над одной из них. Мы стали выкидывать наш скарб на сильно заснеженный лёд, а потом и сами сиганули туда, утонув по пояс. После того, как вертолёт ушёл, наступила любимая мною северная тишина. От избы, стоящей на берегу, к нам спешили два человека, по виду - местные охотники- промысловики. Нас с приятелем разместили в небольшой протопленной и чистой избушке с лосиными шкурами на нарах, а остальной народ устроился в большой зимней палатке с никелированной печкой и раскладными кроватями. На костре уже томились уха хариусиная и потрошки рыбы с икрицей на противне. Всех пригласили перекусить с дороги, ну и, понятно, выпить за здоровье. Крепкий малый из местных не торопясь рассказал, что берлога находится километрах в двадцати пяти от Балка - избы

значит, и мы отправимся к ней завтра утром по-тёмному, сначала на снегоходах до притока, а затем на лыжах - лыжня пробита хорошо. Пока же можно отдохнуть до ужина иль вон хариуса потаскать на мормышку из лунок. Я отправился на лёд, приятель с богатырями, местными охотниками и егерями остались у костра, а Додди повизгивала в избе, изрядно удивляя трёх здешних лаеклюбопытных, весёлых и дружелюбных. Темнеет в это время года здесь рано и быстро, так что через полтора часа я уже возвращался с хорошим уловом в ящике - шарманке.

Небо было ясное, и огромные низкие звёзды радовали своим холодным светом, сверкающим сквозь кедровые лапы. У костра была вся компания и что-то оживлённо обсуждала. Пошкерили и пожарили принесённых мной хариусов - килограммовиков, стало совсем замечательно. Спать не хотелось, но уже надо было ложиться - подъём ранний. Разошлись.

Поднял нас всё тот же крепкий малый из местных, сообщив, будто извиняясь, что пора вставать. Одевшись, мы вышли на мороз, завтрак уже дымился на сколоченном из досок столе. Наскоро позавтракав и проверив всё, мы направились к снегоходам. Снегоходы, специально заброшенные сюда заранее, стояли на льду, прогретые, ровной колонной, по одному на два человека, а весь скарб и лайки разместились в прицепе последнего.

Прибрежная тайга в свете фар казалась угрожающе тёмной. Появилось волнение. До притока добрались довольно быстро. Получили детальный инструктаж от старшего егеря Александра Фёдоровича, встали на лыжи и пошли по узкому руслу притока. Волнения ещё прибавилось. Где-то через километра три-четыре лыжня резко повернула вправо, и мы вошли в лес. Было по-прежнему темно, и только фонарики на шапках освещали труднопроходимый в валёжнике путь. Ружья, висящие за спинами, были к тому времени уже заряжены. Лайки бесшумно оббегали нас по крепкому насту, мелькая то тут, то там. Прошли ещё три километра, и передние встали. «Дальше идём по двое, и чтоб не шуметь!» - передали по цепочке. Напряжение передалось вместе с приказом. Мы с приятелем шли за егерями, они за местным охотником, добры молодцы замыкали цепь, а Додди беспечно спала за пазухой у своего хозяина.

Стало понемногу светать. Выключили фонари и прошли парами ещё с

километр до логова. Собрались все. Впереди, в логу, лежала берлога под большим корневищем упавшего дерева. Общаться стали жестами и шёпотом. Волнение стало явным и передавалось друг другу по морозному воздуху через хруст снега и скрип тайги. Спустились в лог и встали по заранее определённым номерам. Замерли, прислушиваясь к тому, что происходит в берлоге и в собственном сердце, которое билось неистово. Александр Фёдорович, подняв руку, оглядел всех, и махнул местному охотнику. Тот взял лесину, приготовленную загодя, и направился к берлоге также неторопливо, как вчера нам рассказывал о ней. «А почему батог с ветками?» - шёпотом спросил приятель, стоявший рядом со мной прямо перед корневищем у берлоги. «Чтобы мишка не мог его вытолкнуть изнутри», - также шёпотом ответил я. Местный подошёл к отверстию в берлоге, которое всё было в куржаке-инее, от дыхания зверя, посмотрел ещё раз на Александра Фёдоровича, тот одобрительно кивнул, и охотник толстым концом с силой воткнул лесину туда. Наступила мёртвая тишина. Волнение захлёстывало. И вдруг, что-то зашевелилось, затряслось, заревело, зарычало, и берлога буквально взорвалась от неистовой силищи, таившейся внутри. Лесина взлетела высоко в воздух вместе с какими-то брёвнами, комьями земли, травы, палками и снегом. И огромный зверь стал подниматься во весь рост на задние лапы и зарычал так, что волосы зашевелились под шапкой. По моим расчётам Димка-приятель должен был уже стрелять, ведь это для него затеяли эту охоту. Не отрывая глаз от мушки ружья, я мельком взглянул в сторону - его там не было. Я скорее почувствовал, чем увидел, что медведь пошёл на меня. Оторопев, я беспомощно выстрелил в область груди. Он пошатнулся, но не упал, а заревел ещё громче прежнего, и тогда прозвучали ещё несколько выстрелов. Громадный зверь повалился как-то неестественно набок, приподнялся и снова упал уже бездыханно. Меня просто трясло, как в самолёте во время турбулентности, и я совершенно не знал, что мне делать с собой, с ружьём и вообще. Умные лайки, появившись из ниоткуда и подбежав к повалившемуся медведю, обнюхивали его, порывивая и покусывая для верности. Местный охотник Иван (почему-то я только сейчас вспомнил его имя) подошёл к мишке с ружьём наизготовку, посмотрел на уши, на раны и, повернувшись к Александру Фёдоровичу, негромко сказал: «Готов.» Это простое слово «готов» вернуло меня к жизни, и я сел, где стоял -

прямо в снег. В висках стучало, и сердце колотилось бешено. Я достал сигареты и закурил, глядя на лежащего неподалёку огромного зверюгу. Добры молодцы с изумлёнными лицами и с ружьями наперевес тоже подошли к медведю, переглядываясь в волнении. Подошли и остальные. Все стояли и молчали. Один я сидел на снегу и курил.

Где-то невдалеке послышался тоненький лай, напоминающий писк. Добры молодцы встrepенулись и бросились по направлению звука. Туда же, не спеша, отправился и местный охотник Иван. Метрах в пятидесяти от берлоги, взобравшись на ёлку, сидел мой приятель Димка, а под ним на золотом поводке висела и тьякала собачонка Додди. «Ну что, грохнули бешеного?» - поинтересовался Дмитрий Михайлович у добрых молодцев. «Да, готов», - ответили хором они, - «Спускайтесь, Дмитрий Михайлович.» И помогли ему слезть. «Значит так, - негромко произнёс мой приятель, - ставлю каждому по ящику коньяка французского, и чтоб никому ни слова об этом казусе.» «Согласны», - опять хором закивав, ответили молодцы и повернулись к молчаливо стоявшему охотнику Ивану. « Не знаю как вы, мужики, - обратился он к молодцам, - но я сам поставлю ему два ящика, если понадобится, но историю эту расскажу не однажды! «И пошёл к берлоге. Меня же мой приятель Дмитрий Михайлович не просил помалкивать об этом происшествии ни за ящик коньяка, ни за два, поэтому я и написал этот рассказ про храбрую собачку Додди. Ведь не случился же у неё разрыв сердца.

Анатолий Тполотно. Май 2014 года.